

Тea Лyкac
1914–1999
Спacибo, Пoyn

В конце концов я приехал в Америку.
Тут никто не верит в вервольфов.

ДЖЕЙМС БЛИШ

ГЛАВА 1

Луна —
суровая хозяйка

МОЙ ДЕД любил рассказывать мне, что он вервольф.

Он втянул в эту игру мою тетку Либби и дядю Даррена, пытаясь заставить их кивать, когда он рассказывал, как двадцать лет назад он размахивал когтями под дождем на полпути к мельнице на холме. Как он падал на четвереньки, пытаясь догнать поезд, идущий вниз по холму из Бунсвиля, и укусить его. Как он бегал по сельскому густонаселенному Арканзасу с живыми курами в пасти с влажными от восторга глазами. В его рассказах луна всегда была полной и всегда висела за спиной, как прожектор.

Могу сказать, что Либби от этого тошнило.

Даррен изображал широкую усмешку, хотя на самом деле смешно ему не было, особенно когда Дедуля рыскал по гостинной, показывая, как он

//////////

разделяется с овцами, прижимая их к изгороди. Овцы — слабость всех вервольфов, говорил он, а потом играл за обе стороны, то рыча, как волк, высоко поднимая плечи, то блея в животном ужасе, как овца.

Либби обычно уходила, когда Дед врывается в стадо визжащих овец, разинув пасть, как голодный волк, и демонстрируя в отблесках огня тусклые желтые зубы.

Даррен просто качал головой и тянулся за очередной бутылкой земляничного кулера¹.

Мне было почти восемь лет, моя мать умерла в родах, об отце никто не рассказывал. Либби была сестрой-близнецом моей мамы. Она велела мне не называть себя мамой, но втайне я ее таковой считал. В ту осень на работе она зашивала мешки с зерном по пятнадцать фунтов. После работы она снимала защитные очки, и кожа вокруг ее глаз была чистой, но белой от соли. Даррен говорил, что она выглядит, как енот в негативе. В ответ она задирает верхнюю губу, и он прятался за столом.

Даррен был мужской версией моей мамы и Либби — они были тройняшки, настоящий помет, по словам Деда. Даррен в том году только

¹ Алкогольный напиток с добавлением фруктового ликера.

вернулся в Арканзас. Ему было двадцать два, он убежал на шесть магических лет. Дед говорил, что такое происходит со всеми мужчинами в нашей семье. Даррен стал одиноким волком в шестнадцать, и это подтверждали шрамы и расплывшиеся татуировки. Он носил их как ордена. Они обозначали, что он выжил.

Мне было интереснее другое.

— Почему именно в шестнадцать? — спросил я после того, как Дед задремал в кресле у очага.

Я знал, что шестнадцать — это дважды по восемь, а мне было почти восемь, значит, я на полпути к побегу. Но мне не хотелось уходить, как Даррен. От мысли об этом у меня возникала пустота в животе. Я ничего в жизни не знал, кроме Дедова дома.

В ответ на мой вопрос Даррен опрокинул свою бутылку, глянул в кухню, чтобы проверить, не услышит ли Либби, и сказал:

— В шестнадцать зубы становятся слишком острыми для сиськи, парень. Вот и все.

Он имел в виду, что я жмусь к ногам Либби всегда, как только ситуация накаляется. Но мне приходилось. Из-за Рыжего. Даррену пришлось вернуться с дороги — он в основном гонял грузовики — из-за бывшего мужа и любовника Либби, Рыжего. Дед был слишком стар, чтобы встать между ними, но Даррен-то был в самом подходя-

щем возрасте, и ухмылка у него была тоже самая подходящая.

Этот длинный гладкий белый шрам, сказал он, ведя по нему указательным пальцем, оставил Рыжий. А второй, под ребрами слева, это оставила его девушка-русалка? Нет, тоже Рыжий.

— Некоторые люди просто не вписываются в человеческую компанию, — сказал Даррен, одергивая рубашку и беря двумя пальцами за горлышко очередную бутылку.

— А некоторые просто не хотят, — прорычал Дед со своего кресла, зло ухмыляясь уголком рта.

Даррен зашипел, осознав, что старик не спал.

Он отвернул крышку бутылки и ловко запустил ее через гостиную, сквозь прореху в проволочной сетке от мух и оводов на двери.

— Стало быть, поговорим о шрамах? — сказал Дед, вставая с качалки и поблескивая здоровым глазом.

— Не хочу снова с тобой об этом, старик, — сказал Даррен. — Не сегодня.

Даррен всегда так говорил, когда Дед начинал расходиться, громко вспоминая прошлое. Но он *будет* говорить с Дедом. Так каждый раз бывало.

И я тоже буду.

— Таково быть вервольфом, — сказал я за Деда.

— Держишь ушки на макушке, волчонок? — ответил он, протягивая руку, чтобы погладить меня по затылку, потереть меня щекой о белую щетину на его подбородке. Я ускользнул от его руки и засмеялся. — Вервольфам не нужна бритва, — сказал Дед, усаживая меня. — Расскажи ему почему, сынок.

— Это твоя байка, — ответил Даррен.

— Потому что, когда ты возвращаешься в тот образ, в котором мы сейчас, — почесал он челюсть, — ты всегда словно только что побрился. Даже если за день до этого у тебя была борода, как у дикаря. — Он изобразил, будто проводит по гладкой щеке Даррена, затем посмотрел на меня. — Гладкая, как у младенца. Таков вервольф, который накануне вляпался в кучу неприятностей. Так ты узнаешь, что они делают. Так ты узнаешь их на улице.

Даррен просто уставился на Деда.

Дед не стал сдерживать усмешки, сделав это замечание, и я невольно спросил:

— Но... но ты же вервольф, верно?

Он постучал пальцами по своей щетине, сказав:

— Хороший слух, хороший. Однако доживешь до моих лет, и оборотничество станет смертным приговором.

— До твоих лет, — сказал Даррен. Эти слова заставили Деда снова посмотреть на него. Но Даррен первым отвел взгляд.

— Ты хотел поговорить о шрамах. — Дед присел рядом со мной и начал закатывать рукав рубашки, пока тот не пережал его тощую руку. — Видишь? — перевернул он руку.

Я встал и наклонился посмотреть.

— Потрогай, — сказал он.

Я так и сделал. Это была гладкая маленькая выемка величиной с кончик моего пальца.

— В тебя стреляли? — всем моим существом спросил я.

Даррен попытался скрыть смех, отрицательно качая головой и показывая жестом, чтобы Дед продолжал.

— Твой дядя слишком тупой, чтобы запомнить, — сказал мне Дед. — Но твоя тетя знает.

И моя мама, сказал я, как всегда, про себя. Все, что было с Либби в детстве, было и с моей мамой.

Так я представлял ее живой.

— Это не пулевая рана, — сказал Дед, спуская рукав. — Пуля в передней лапе для вервольфа все равно что пчелиный укус. Это похуже.

— Хуже? — спросил я.

— Болезнь Лайма¹? — сказал Даррен.

Дед даже не глянул на него.

— В волчьем облике болезни тебя не трогают, — сказал он мне. — Кровь слишком горячая для этой заразы, кори, оспы и рака.

— Свинцовое отравление? — подбодрил его Даррен.

— Когда волк обращается назад, в человека, он выдавливает из себя весь этот свинец, — ответил Дед без веселья в голосе. — Если только не в кость. Тогда пуля обрастает костью, как жемчужина.

Даррен пожал плечами, снова слушая.

— Так что тогда? — спросил я, поскольку кто-то должен был спросить.

— *Клещ*, — сказал Дед, показывая двумя пальцами, насколько мал клещ.

— Клещ? — спросил я.

— Клещ, — ответил Даррен.

— Наверное, сидел в той жирной оленихе, которую я завалил ночью накануне, — сказал Дед. — Тот клещ сменил дохлого носителя на другого, с живым сердцем.

¹ Болéзнь Лайма, клещевой боррелиоз — инфекционное заболевание, вызываемое бактериями рода *Borrelia*, переносимое иксодовыми клещами, а также оленьими кровососками.